

АЛЬБЕРТ САКСОНСКИЙ

ТОНЧАЙШИЕ ВОПРОСЫ К КНИГАМ
«ВТОРОЙ АНАЛИТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ¹

<Книга первая, вопрос третий>

<Возможно ли, что мы нечто [научно] знаем?>

[ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСА]

(345) [f3vb²] В-третьих, спрашивают, [верно] ли то, что говорили некоторые из древних [философов], [а именно], что невозможно, чтобы мы нечто [научно] знали, как [говорили] АКАДЕМИКИ. Другие же говорили, будто вполне возможно, что мы нечто знаем, но невозможно, чтобы мы нечто узнали впервые (de novo), как [говорили] платоники. Итак, во-первых, надлежит

---

¹ Перевод, примечания: Д. В. Смирнов, 2009. Перевод выполнен по изданию: *Albertus de Saxonia. Quaestiones subtilissimae super libros Posteriores analyticorum Aristotelis // Albert of Saxony's Twenty-Five Disputed Questions on Logic* / Ed. M. J. Fitzgerald. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 345–351. В этом издании представлены лишь несколько вопросов из трактата АЛЬБЕРТА САКСОНСКОГО; текст приведен без изменения по полному изданию трактата в 1497 г.: *Albertus de Saxonia. Quaestiones subtilissimae super libros Posteriores analyticorum Aristotelis. Venetiis, 1497* (репринт: Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 1986). Критического издания этого сочинения не существует. В квадратных скобках в тексте перевода дается нумерация листов по изданию 1497 г., в круглых скобках — нумерация страниц по изданию 2002 г.

² Нумерация листов дается по общепринятой схеме: f = folio (лист), r = лицевая сторона, v = оборотная сторона, a = левая колонка, b = правая колонка.

рассмотреть [вопрос], возможно ли, что мы нечто знаем; а во-вторых — [вопрос], возможно ли, что мы нечто узнаем впервые.

[Рассмотрению] первого [вопроса] будет посвящен настоящий вопрос, а [рассмотрению] второго — следующий вопрос.

В отношении первого [вопроса], пусть вопрос будет поставлен так: Возможно ли, что мы нечто [научно] знаем?

[ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОТВЕТА]

И доказывается, что нет, на том основании, что мы не можем иметь в отношении чего-либо очевидности без опасения, что [возможно] противоположное [этому]³; следовательно, невозможно, чтобы мы нечто [научно] знали. Следование соблюдается, поскольку [научное] знание (*scientia*) есть очевидность без опасения, [что возможно] противоположное [этому]; следовательно, невозможно, чтобы мы нечто [научно] знали. Посылка доказывается [из того], что мы не можем иметь в отношении чего-либо [надежного] знания (*notitia*) или очевидности — ни при помощи чувства, ни при помощи разума; следовательно, никаким образом [мы не можем иметь такого знания]. Следование верно. А посылка доказывается, во-первых, [применительно к тому], что [это невозможно] при помощи чувства. Ведь, пусть всякий раз мне кажется, что огонь в соответствии с чувством является горячим, однако на основании этого я не могу без опасения иметь [твердое] суждение и очевидность в отношении того,

---

³ Лат. *sine formidine ad oppositum*. При рассмотрении проблем познания в позднем средневековье слово «*formido*» указывало на особую «боязнь разума», связанную с вероятностным характером некоего мнения: «Актуальная боязнь... обыкновенно выражается в таких словах: Возможно, что это и не так, как я думаю» (*Lugo J. de. Disputationes scholasticae et morales: Vol. 1: De virtute fidei divinae. Paris, 1868. P. 273–274*).

что огонь является горячим. Ибо возможно, что под воздействием некой потенции, например, божественной, в моем чувстве производится вид (*species*), представляющий жар [огня], но [в действительности] жар [огня] разрушен и [в него] введен холод, и действие холода устранено от чувства. Если предположить это, то мне будет казаться, что огонь горячий, тогда как в действительности (*in veritate*) он будет холодным. И поскольку предложенный случай возможен, — ведь первая причина⁴ есть свободный деятель, из этого следует, что всякий раз, когда я вижу огонь, я должен сомневаться, не нарушена ли теплота огня и не введен ли [в него] холод, так что при участии первой причины вид тепла представлен в чувстве, а действие холода устранено от чувства. Итак, сколько бы раз нечто не казалось мне горячим, я все таки вынужден сомневаться, не является ли оно в действительности (*in rei veritate*) холодным. Значит, при помощи чувства осязания мы не можем достоверного суждения (*certum iudicium*) в отношении чего-либо.

Посредством этого же довода доказывается, что для меня не является очевидным [тот факт], что ты — человек, но, рассудив, я должен сомневаться, не есть ли ты осел или коза. Ибо созерцаемый вид (*species visibilis*), который находится в моем органе, [обладающем] зрительной силой (*virtus visiva*), и представляет мне, что ты — человек, мог сохраниться в моей душе, в то время как ты был пресуществлен⁵ в субстанцию осла под действием потенции первой причины. И поскольку эта первая причина может

---

⁴ Т. е. Бог.

⁵ Лат. *transubst.* Этот глагол и производные от него формы получили широкое применение у латинских богословов при объяснении происходящего в таинстве Евхаристии преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа. В этой связи примечательно употребление термина Альбертом в явно ироническом контексте.

действовать всегда, когда пожелает, из этого следует, что всякий раз, когда мне будет казаться, что ты человек, я должен сомневаться, не есть ли ты в действительности] осел.

(346) Во-вторых, доказывается, что при помощи [чувства] вкуса мы также не можем выносить очевидное суждение. Ведь чертополох⁶ применительно к вкусу осла считается сладким, а применительно к вкусу человека считается горьким⁷. Итак, при помощи вкуса для нас не очевидно, является ли чертополох сладким или горьким, поскольку для нас не очевидно, кто верно выносит суждение — мы или осел. Ведь осел посредством своей природы выносит суждение, что чертополох сладок, и мы [действуем] так же. Итак, кажется, что осел судит ничем не хуже, чем мы. Точно так же, мужчины, женщины и дети, вкушая нечто одинаковое, выносят различные суждения в отношении вкусовых качеств этого. Ведь иногда то, что беременной женщине кажется сладким, мужчине показалось бы мерзким на вкус. Точно так же то, что иногда вкусно для мужчины, невкусно для ребенка. Итак, кажется что при помощи [чувства] вкуса мы не можем иметь очевидного суждения и достоверности в отношении вкусовых качеств. Точно так же, то что здоровому кажется сладким, больному кажется горьким.

Если ты скажешь, что это может быть из-за расстройства органа вкуса самого больного, тогда я буду рассуждать так: из-за расстройства органа невозможно обладать достоверностью в отношении вкусовых качеств, так что всякий раз, когда ты нечто вкушаешь, у тебя должно быть сомнение, является орган вкуса

---

⁶ Лат. *cardonis* = *carduus*.

⁷ Следующие далее рассуждения о горьком и сладком, а также о разнице восприятия у больного и здорового человека восходят к «Метафизике» Аристотеля. См.: *Aristoteles. Metaphysica. IV. 5–6. 1009–1010.*

хорошо устроенным или расстроенным. Значит, когда ты вкушаешь, у тебя есть сомнение, правильно ли ты судишь в отношении вкусовых качеств, или нет. Значит, при помощи [чувства] вкуса невозможно выносить достоверное и очевидное суждение о вкусовых качествах.

В-третьих, доказывается, что при помощи [чувства] обоняния мы также не можем выносить достоверное суждение о запахе. Ведь мы видим, что собаки наслаждаются зловонными запахами, которые нам представляются мерзкими; следовательно, при помощи чувства обоняния мы не можем иметь достоверности [в отношении того], являются ли эти запахи зловонными или приятными, чтобы так говорить [о них].

В-четвертых, [то, что это невозможно] и при помощи слуха, можно доказать так же, как это было доказано в отношении осязания, поскольку вид может сохраняться в органе слуха.

[f4ra] В-пятых, [то же самое верно и] в отношении зрения, ведь зрение часто обманывается, [например, когда] не сломанная трость, находящаяся в воде, кажется сломанной. Точно так же, солнце иногда кажется красным и большим, а именно утром, а иногда маленьким и белым, когда восходит и достигает высочайшей [точки] над горизонтом, как в полдень. Точно так же, часто актеры при помощи своего искусства так обманывают наше зрение, что мы обманываемся в своем зрительном чувстве. Итак, кажется, что при помощи чувства зрения мы же можем приобрести достоверного и очевидного знания о чем-либо.

В-шестых, доказывается, что при помощи разума мы также не можем приобрести знание или очевидность в отношении чего-либо, поскольку разумное познание зависит от чувственного познания, в

соответствии [со словами] АРИСТОТЕЛЯ в 3-й книги [трактата] *О душе*⁸, но уже доказано, что мы не можем иметь какой-либо достоверной и твердой чувственной очевидности; следовательно, мы [не можем иметь и] разумной [очевидности].

В-седьмых, когда виды чувственно [воспринимаемых вещей], прежде чем достичь разума, изменяются в чувственных органах, тогда разум при уразумевании мыслит при помощи этих [измененных] видов, причем для нас не является очевидным, всегда ли вид изменяется [именно] так. Следовательно, для нас не является очевидным, всегда ли мы мыслим [верно], или ошибаемся.

В-восьмых, заключения познаются лишь благодаря [знанию] начал, а начала познаются лишь посредством опыта (*per experientiam*), который приобретается при помощи чувства. Итак, поскольку мы при помощи чувства не можем иметь никакой достоверности, как уже было доказано, (347) то кажется, что мы не можем иметь достоверной очевидности в отношении того, что мы называем началами, а следовательно, и в отношении того, что мы называем заключениями.

В-девятых, заключения познаются лишь благодаря познанным началам, но невозможно, чтобы начала были познаны, следовательно, невозможно, чтобы заключения были познаны. То, что невозможно познать начала, доказывается [на основании того], что «знать» значит познавать вещь посредством [ее] причины. Но начала не имеют причин, при помощи которых они бы познавались,

---

⁸ См.: *Aristoteles. De anima. III. 8. 132a 6–9*: «...Постигаемое умом имеется в чувственно воспринимаемых формах: [сюда относится] и так называемое отвлеченное, и все свойства и состояния ощущаемого... Когда созерцают умом, необходимо, чтобы в то же время созерцали и в представлениях: ведь представления — это как бы предметы ощущения, только без материи».

поскольку если бы они имели [такие причины], то не назывались бы началами; следовательно, и т. д.

В-десятых, если бы мы должны были что-либо знать, то надлежало бы, чтобы мы знали это посредством причины. И поскольку [научное] знание происходит у нас от более известного нам, то [из этого] следовало бы, что причины более известны нам, чем результаты. [Но] это ложно. Ложность [этого] ясна, поскольку применительно к нам результаты более известны, чем их причины, хотя по природе причина известнее, чем ее результаты. [Но] надлежит, чтобы знание возникало у нас от более известного нам, а не от более известного по природе, поскольку мы является теми, кто научается, а не природа.

[ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОТВЕТА]

В [защиту] противоположного [мнения приводятся слова] АРИСТОТЕЛЯ, 1-я книга этого [сочинения]⁹. Ведь он говорит: «Доказательство есть силлогизм, позволяющий нечто [научно] знать»¹⁰. И если это так, то кажется, что при помощи доказательства мы нечто [научно] знаем.

Во-вторых, для нас возможно то, к чему склоняет нас природа. Но природа склоняет нас к [научному] знанию. Следовательно, для нас возможно [что-либо научно] знать. Большая [посылка] понятна,

---

⁹ Т. е. *Второй аналитики*.

¹⁰ См.: *Aristoteles. Analytica posteriora*. I. 2. 71b18: «Доказательством же я называю силлогизм, позволяющий нечто научно знать». Оригинальный греческий текст: «ἀπόδειξιν δὲ λέγω συλλογισμόν ἐπιστημονικόν»; латинский перевод: «Demonstrationem autem dico sillogismum epistemonikon, id est facientem scire». В существующем русском переводе выражение «συλλογισμόν ἐπιστημονικόν» передается просто как «научный силлогизм» (см.: *Аристотель. Вторая аналитика // Он же. Сочинения*. М., 1978. С. 259).

ведь природа не склоняет нас к невозможному. Меньшая [посылка] уясняется из пролога к *Метафизике*, где АРИСТОТЕЛЬ рассуждает так: «Все люди естественным образом стремятся к знанию¹¹»¹². И это всякий может опытно проверить (εξεργεῖ) на собственном примере.

В-третьих, как минимум, я [научно] знаю, что я есть; следовательно, для меня возможно нечто [научно] знать.

Точно так же, ты [научно] знаешь, что ты [нечто] знаешь.

[ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ]

Применительно к этому вопросу, я, во-первых, предложу одно описание [научного] знания с тремя предположениями; во-вторых, я предложу ответы на вопрос.

Что касается первого, то это описание таково: [Научное] знание есть твердое согласие с каким-либо сложным истинным [положением], [приобретенное] при помощи некой необходимой очевидности.

Благодаря такому описанию, [научное] знание отличается от мнения и веры, а также от твердого согласия с еретическими [положениями]. Благодаря тому, что говорится, что [научное] знание

---

¹¹ В греческом тексте *Метафизики* употребляется форма от гл. εἶδέναι, который обозначает знание в широком смысле, и прежде всего — знание, связанное с созерцанием, а не исключительно «научное», т. е. точное и доказательное знание, маркируемое обычно у АРИСТОТЕЛЯ термином ἐπιστήμη и др. однокоренными этому словами. Однако во всех без исключения латинских переводах *Метафизики* в данном месте используется глагол scire, более тесно связанный с идеей точного научного знания, чем исходный греческий глагол.

¹² См.: *Aristoteles. Metaphysica. I. 1. 980a*. Вместо традиционный перевода греч. φύσει и лат. naturaliter как «по природе» мы используем несколько искусственное выражение «естественным образом», призванное подчеркнуть связь этого слова с другими однокоренными словами, встречающимися в этом вопросе АЛЬБЕРТА. В целом, читателю следует учитывать, что слова с основами «природа» и «естество» употребляются в переводе полностью синонимично.

есть твердое согласие, [научное] знание отличается от мнения, поскольку мнение не есть твердое согласие, но есть согласие, сопряженное с опасением, [что возможно] противоположное [этому]. Следовательно, если предположить, что кто-то согласился с каким-то сложным истинным [положением], но при этом он согласился не твердым согласием, но [согласием] с опасением, то не будет говориться, что он имеет [научное] знание в отношении этого. Благодаря тому, что оно называется [согласием] с каким-либо сложным истинным [положением] научное знание отличается от такого согласия, которого придерживаются еретики, так что они весьма твердо соглашаются с чем-то ложным, и иногда настолько твердо соглашаются с этим сложным ложным [положением], что скорее желают умереть, чем отказаться от этого. И хотя такое согласие является твердым, однако, поскольку оно не есть согласие со сложным истинным [положением], такое согласие не называется [научным] знанием. А благодаря тому, что оно называется [согласием], [приобретенным] при помощи некой необходимой очевидности, [научное] знание отличается как от веры, так и от мнения, [которые суть] согласие с [неким] истинным [положением], каковым [согласием] мы соглашаемся [f4rb] с положениями веры (articulis fidei). Ибо это — твердое согласие, и им мы соглашаемся с [неким] сложным истинным [положением], а именно, с положениями веры, которые являются истинными. Однако поскольку это согласие не является [приобретенным] при помощи некой необходимой очевидности, таковое согласие (348) не есть [научное] знание, но — вера. Ведь если бы это согласие, которым мы соглашаемся с положениями веры, приобреталось посредством некой [иной] очевидности, кроме той, которая [проистекает] от слов

Священного Писания, тогда, соглашаясь с положениями веры, мы имели бы [даже] меньшую заслугу, чем в случае согласия со следующим сложным [положением]: Огонь — горячий.

Точно так же, благодаря тому, что оно называется [согласием], [приобретенным] при помощи некой необходимой очевидности, [научное] знание отличается от мнения. Ведь если предположить, что кто-то согласится с каким-то сложным истинным [положением] благодаря некой вероятной, а не доказательной (*demonstrativam*) очевидности, такой [человек] все же не будет называться имеющим [научное] знание в отношении этого заключения, поскольку он твердо согласился с этим не посредством некой необходимой очевидности, хотя [и согласился] должным образом посредством вероятной [очевидности].

Теперь [я устанавливаю] первое предположение: Разум естественным образом склоняется к уразумеванию объекта, если тот будет представлен ему в достаточной [для уразумевания] степени. Это столь же естественно для него, сколь естественно для [чего-то] тяжелого двигаться вниз, если только не будет в этом какого-либо препятствия. Это предположение кто угодно может опытно проверить на самом себе.

Второе предположение таково: Существуют некие положения, которые очевидны и истинны настолько, что разум, рассматривая их, естественным образом склоняется к согласию с ними. Ведь разум естественным образом склоняется к согласию с истиной точно так же, как тяжелое [тело] склоняется к движению вниз. Например, разум рассматривая и со вниманием разбирая следующее начало: «В отношении чего угодно [сказывается] или бытие, или не-бытие; и никогда [в отношении чего-то одного неказывается] вместе [и то, и

другое]», естественным образом склоняется к согласию с ним и не может впасть в противоречие относительно его [истинной] природы. Это опять же кто угодно может опытно проверить на себе. И потому древние [скептики], даже если отвергали начала (как, например, это: В отношении чего угодно, и т. д.) устами перед присутствующими [слушателями], однако соглашались с этим сердцем.

Третье предположение таково: Некоторые заключения являются настолько очевидными, что разум по своей природе склоняется к согласию с тем, что данный вывод является необходимым. Например, таким является первый модус первой фигуры [силлогизма]¹³, равно как и [первый модус] объяснительного силлогизма¹⁴. Ведь кто угодно может опытно проверить на себе самом, что он не может не согласиться сердцем с тем, что это выведение является необходимым: Всякое животное есть субстанция. Всякий человек есть животное. Следовательно, всякий человек есть субстанция. И рассматривая все это применительно к предложенному выведению, [никто] не может согласиться с посылками так, чтобы не согласиться при этом и с заключением, если он рассмотрит это [во взаимосвязи]. Точно так же и применительно к объяснительному силлогизму.

[ОТВЕТ НА ВОПРОС]

---

¹³ АРИСТОТЕЛЬ в *Первой аналитике* предлагает схему этого силлогизма: «Если А сказывается обо всех Б, а Б — обо всех В, то А необходимо сказывается обо всех В» (*Aristoteles. Analytica priora. I. 4. 25b37*). Позднее первый модус первой фигуры получил условное наименование «Barbara».

¹⁴ Силлогизм, обычно строящийся по третьей фигуре, в котором средний член — индивидуальное понятие. Пример такого силлогизма: «Сократ — человек. Сократ — ученый. Следовательно, некий человек — ученый».

Что касается второго¹⁵, то первое заключение таково: Возможно, что мы нечто [научно] знаем. [Это] доказывается [так]: возможно, что мы твердо соглашаемся с каким-либо сложным истинным [положением] благодаря некой необходимой очевидности; следовательно, возможно, что мы нечто [научно] знаем. Следование верно на основании [данного выше] описания [научного] знания, [а именно], что [научное] знание есть твердое согласие и т. д. Доказывается посылка: [во-первых,] возможно, что некий объект представляется нашему разуму в достаточной [для уразумевания] степени, и тогда, согласно первому предположению, разум по своей природе склоняется к уразумеванию этого [объекта]. Далее, [во-вторых], возможно, что ему представляется некое положение, которое является столь очевидным и истинным, что разум естественным образом склоняется к согласию с ним и никоим образом не может с ним не согласиться. В-третьих, возможно, что из этого истинного положения, когда оно принято, причем такое, что разум естественным образом склоняется к согласию с ним вследствие его истины и очевидности, выводится **(349)** до выведения разумом [каких-либо] сомнительных [положений] в очевидном и необходимом выведении некое положение, и с этим заключением вследствие его очевидности разум не может не соглашаться. Если предположить это, разум будет [научно] знать выведенное положение, поскольку он твердо с ним соглашается на основании некой необходимой очевидности посылок и заключений, из которых выводится данное заключение.

Во-вторых, в отношении того же [можно рассуждать так], как уже велось рассуждение прежде: для нас возможно то, к чему мы

---

¹⁵ Т. е. непосредственно ответа на вопрос, см. деление выше.

естественным образом склоняемся. Но это есть [научное] знание, ибо все люди естественным образом стремятся к знанию, [как говорит АРИСТОТЕЛЬ] в прологе *Метафизики*.

[ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ К РАЗБОРУ ДОВОДОВ
В ПОЛЬЗУ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОТВЕТА]

Для ответа на некоторые доводы [в пользу отрицательного ответа] надлежит заметить, что об очевидности говорится в двояком смысле. Иногда речь идет об высшей очевидности (*evidentia summa*), а иногда — о естественной очевидности (*evidentia naturalis*). Высшая очевидность какого-либо положения есть [та очевидность], сообразно которой разум по своей природе бывает вынужден согласиться с данным положением и не может не согласиться с данным положением. В этом смысле, рассуждая об очевидности, мы говорим, что это начало: «В отношении чего угодно [сказывается] или бытие», и т. д., является очевидным. Равным образом, если рассуждать об очевидности в этом смысле, то для меня является очевидным, что я есть. А естественная очевидность [существует тогда], когда нечто очевидно для нас таким образом, что противоположное этому не может быть доказано никаким человеческим или софистическим рассуждением. Сообразно этому способу называются очевидными естественные [f4va] начала и естественные заключения. И заметь, что в этом случае нет очевидности в наиболее собственном смысле, поскольку в отношении того, что таким образом является очевидным, разум может быть введен в заблуждение сверхъестественной потенцией. И потому можно рассуждать так: сверхъестественная причина может

сохранить в моих глазах вид и подобие человека, например, Сократа, а самого Сократа изменить в осла; тогда Сократ будет казаться мне человеком, но [в действительности] будет ослом. Итак, есть рассуждать о высшей очевидности, то мне не очевидно, что ты есть человек, и равным образом [не] мне очевидно, что огонь горяч. Если же для [доказательства] чего-то не достаточно упомянутой естественной очевидности, то это вовсе не пригодно для доказательства¹⁶.

[РАЗБОР ДОВОДОВ В ПОЛЬЗУ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОТВЕТА]

[Отвечаю] на доводы.

Касательно первого [довода] я говорю: в нем правильно доказывается, что при посредстве чувства мы не можем иметь в отношении чего-либо высшей очевидности; тем не менее, при его посредстве мы можем иметь естественную очевидность, которой нам будет достаточно для того, чтобы мы [нечто] знали. Поэтому для меня не очевидно сообразно высшей очевидности, что ты в течение одного года был человеком, хотя в течение всего года мне казалось, что ты человек. Итак, возможно, что ты в течение целого года постоянно казался мне человеком, однако лишь половину года был человеком. Ведь если бы первая причина¹⁷ в течение одной неощутимой¹⁸ части года тебя создавала, в течение еще одной неощутимой части [года] тебя уничтожала, а в течение следующей неощутимой [части года] тебя воссоздавала, причем так

---

¹⁶ Т. е. не может быть доказано.

¹⁷ Т. е. Бог.

¹⁸ Лат. *insensibilis*, прилагательное, описывающее нечто, что не может быть воспринято чувствами.

продолжалось бы до конца года, то в конце года справедливо и истинно можно было бы сказать, что мне весь год казалось, будто ты человек, однако ты был человеком не более половины года, — на том основании, что в течение неощутимого времени ты [им] не был, затем в течение неощутимого времени ты [им] был, а затем в течение неощутимого времени [опять им] не был. И в таком случае ты им не был в течение половины года. Это доказывается на основании того, что всех вместе частей [времени], в течение которых ты был [человеком], столько же, сколько [частей времени], в течение которых ты не был [человеком]. Итак, все неощутимые части, [в течение которых ты был человеком], если взять их вместе, будут делить год, и другие неощутимые части, в течение которых ты не был [человеком], также будут делить год, так что лишь в течение половины года ты был человеком, хотя и казался [им] в течение всего года.

(350) Касательно второго [довода], о чертополохе¹⁹, [а именно], что осел судит и т. д., я говорю, что как человек, так и осел выносят суждение правильно, ибо осел выносит суждение, что чертополох сладок, поскольку тот соответствует его природе, а человек выносит суждение, что чертополох горек, поскольку тот не соответствует его устройению²⁰. Итак, поскольку нечто может быть соответствующим устройению [кого-то] одного и несоответствующим устройению [кого-то] другого, одно и то же может быть сладким для одного и горьким для другого. И поскольку чертополох соответствует устройению осла, осел, вынося суждение, что чертополох сладкий, выносит верное суждение. И равным образом человек, вынося суждение, что

---

¹⁹ См. выше, довод 2.

²⁰ Лат. *complexio*, букв. «сложение», «совокупность».

чертополох горек, выносит верное суждение, поскольку [чертополох] не соответствует его устройению.

То же самое можно сказать о запахе и вкусе, применительно к мужчинам, женщинам и детям²¹. А когда говорится о больном, то на это [следует] ответить, что причина, по которой [что-либо] кажется сладким здоровому и горьким больному, заключается в том, что язык больного поражен горькой слюной²². И потому, вследствие расстройства слюны, то, что кажется здоровому сладким, кажется больному горьким.

И когда далее говорится: «Даже если ты здоров, для тебя не очевидно, расстроен ли у тебя орган вкуса, или устроен хорошо», — я отвечаю [на это]: Истинно, что это не очевидно для тебя сообразно высшей очевидности, тем не менее это очевидно для тебя сообразно естественной очевидности, и этого достаточно.

Касательно другого [довода], о слухе²³, на него [следует] отвечать так же, как было отвечено на первый.

Касательно другого [довода], о зрении²⁴, я говорю, что хотя [вправду] трость в воде кажется сломанной, это суждение может быть исправлено при помощи чувства осязания. Ведь часто при помощи одного чувства исправляется суждение другого [чувства], [причем это происходит] при участии более высокой силы, а именно, разума²⁵, и наоборот²⁶. Так что иногда исправляется и суждение осязания. Например, если один шар поместить под двумя пальцами,

---

²¹ См. выше, доводы 2 и 3.

²² Лат. humoribus amaris.

²³ См. выше, довод 4.

²⁴ См. выше, довод 5.

²⁵ Лат. intellectus, см. ниже примечание к ответу на 9-й довод.

²⁶ Т. е. различные чувства могут в разных ситуациях исправлять друг друга поочередно.

он будет казаться двумя [шарами], если начать [его] двигать²⁷. И в этом случае такое суждение исправляется при помощи зрения, ибо зрение выносит суждение, что [шар] только один, хотя если следовать осязанию, будет казаться, что [шаров] два.

Касательно другого [довода], когда говорится о солнце²⁸, я утверждаю, что солнце иногда кажется таким, а иногда — другим вот из-за чего: из-за того, что среда (*medium*) имеет различное состояние. И когда далее говорится, что чувства могут заблуждаться, — я допускаю это; тем не менее, разум, будучи более высокой силой, может это исправить.

Касательно другого [довода]²⁹, когда выдвигается аргумент, что при помощи разума мы не можем [что-либо знать], и т. д. — я это отрицаю. И когда говорится, что, [следовательно], и посредством чувства [мы ничего не можем знать], — я это отрицаю.

Касательно другого [довода]³⁰, когда говорится, что вид чувственно воспринимаемых [вещей] может быть изменен, — я это допускаю. И то, что для нас не очевидно, всегда ли он изменяется именно так, — это верно применительно к высшей очевидности. Тем не менее это вполне очевидно сообразно естественной очевидности.

---

²⁷ АЛЬБЕРТ описывает т. н. «иллюзию АРИСТОТЕЛЯ». Небольшой предмет (шарик, кончик носа) помещают между (под) скрещенными пальцами (проще использовать средний и указательный пальцы) так, чтобы он касался одного пальца с внутренней стороны, а другого пальца — с наружной. При движениях пальцев по предмету через некоторое время возникает впечатление, что пальцы касаются двух предметов. АРИСТОТЕЛЬ упоминает эту иллюзию в нескольких сочинениях; см., напр.: *Aristoteles. Metaphysica. IV. 6. 1011a30*: «Если заложить палец за палец, то осязание принимает за две вещи то, относительно чего зрение показывает, что это одна вещь».

²⁸ См. выше, довод 5.

²⁹ См. выше, довод 6.

³⁰ См. выше, довод 7.

Касательно другого³¹, что заключения познаются лишь благодаря [знанию] начал, — я с этим согласен. А то, что начала познаются лишь посредством опыта (*per experientiam*), — я отрицаю, что это одинаково [применимо] ко всем [началам]. Ведь это начало: «В отношении чего угодно [сказывается] или бытие [f4rb], или не-бытие», и т.д., не познается посредством опыта.

Касательно другого [довода³², я утверждаю], что начала не могут быть познаны [научным] знанием, если говорить [о нем] в наиболее строгом смысле; тем не менее, они отлично (*bene*) познаются тем [научным] знанием, которое более сообразно называть: уразумение³³.

(351) Касательно другого [довода³⁴, а именно], если мы должны нечто знать, и т. д., — я согласен [с ним], если речь идет о том, что мы должны [научно] знать нечто с помощью того [научного] знания, которое образуется благодаря доказательству от причины (*propter quid*). А когда ниже говорилось, что [научное] знание происходит от более известного нам, это должно пониматься как относящееся к [научному] знанию, которое образуется благодаря доказательству от следствия (*quia*). Итак, последнее движется от результатов к причине. Притом, нам результаты известны более, чем причины, а по природе причины известны более, чем результаты. И отсюда ясен ответ на вопрос.

---

³¹ См. выше, довод 8.

³² См. выше, довод 9.

³³ Лат. *intellectus*, другой возможный перевод: понимание. Употребление этого слова АЛЬБЕРТОМ в данном вопросе наглядно свидетельствует о постоянной тенденции средневековых авторов рассматривать понятие «интеллект» двояко: как присущую человеческой природе (более точно, душе) способность нечто понимать (*intellectus* = разум) и как наименование для акта, в котором осуществляется такое понимание (*intellectus* = уразумение).

³⁴ См. выше, довод 10.